

УДК 930.85

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

КОВАЛЕВ Виталий Владимирович
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Vitaliy V. KOVALEV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Sergei I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINE)
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

CAUSES OF REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA (SOCIAL-CULTURAL ASPECT)

В данной статье предпринимается попытка установить причины революции 1917 года в России и последовавшие за ней события гражданской войны. Авторы акцентируют свое внимание на том, что как сама революция, проходившая поэтапно единым процессом в течение всего 1917 года, так и растянувшаяся на несколько лет гражданская война имели крайне ожесточенные формы. По окончании этих событий вся социально-экономическая инфраструктура страны была разрушена, а население имело колоссальную убыль своей численности. Авторы исходят из того, что беспрецедентная жестокость событий 1917–1921 гг. была обусловлена тем, что российское общество не имело общих социокультурных оснований для единства. Культурный разлом во многом произошел после петровских преобразований, следствием которых стала потеря характерных для допетровской России соборных форм жизни. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социального слоями. Общество саморазделилось на «своих» и «чужих». Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917–1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенцией, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, которые во многом были созвучны соборно-традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах.

This article attempts to establish the causes of the Revolution of 1917 in Russia and the civil war events that followed after. The authors focus on the fact that as the revolution itself, which took place in stages as a single process throughout 1917 and spanning several years of civil war, was extremely violent form. After these events the entire social-economic infrastructure of the country were settled and the population had a huge decline in their numbers. The authors believe that unprecedented the brutality of the events of 1917–1921 was due to the fact that Russian society had no common social-cultural basis for unity. The cultural rift largely occurred after Peter's reforms, the result of which was the loss characteristic of pre-Petrine Russia conciliar forms of life. The events of 1917 and the ensuing absolutely logical way, a bloody civil war was largely determined by the absence in the Russian Empire, a single social-cultural grounds for interaction between different social layers. Society has divided into "us" and "them". The result was a situation of unresolved conflict, ready at any moment to transform into a brutal war of all against all for the sake of mutual and total destruction. Clear differentiation and polarization of the opposing forces in 1917–1921 years was due to the role of the so-called revolutionary intellectuals, which offered the lowest strata of the Russian society of ideological values, which was largely in tune with the sobornost'-traditionalist notions of the peasantry of ownership, authority, law and other social institutions.

Ключевые слова: 1917 год, революция, гражданская война, причины революции, жестокость, смута, культурный разлом, соборность, стереотипы

Keywords: 1917, revolution, civil war, causes of revolution, brutality, disturbance, cultural divide, sobornost', stereotypes

В этом году наша страна отмечает (празднует, негодует, порицает, осуждает) столетие событий 1917 года, которые начались в двадцатых числах февраля в виде не обещающих ничего грандиозного голодных бунтов, вызванных задержками подвоза хлеба в Петроград. Сейчас отношение к ним, действительно, очень разное. Зависит оно от случайно прочитанной где-то информации, просмотренной телепередачи, стереотипов восприятия прошлого либо твердых идеологических убеждений, в основе которых лежит четко осмысленное понимание общественного устройства и перспектив развития современной российской жизни. Общество, в самом деле, не относится однозначно к тому, что произошло со страной в 1917 году. Но совершенно точно можно сказать, что даже сейчас, спустя столетие, вряд ли найдутся совсем уж равнодушные. Объяснение этому лежит на поверхности. 1917 год стал последним годом существования Российской империи, а возможно, и всей российской цивилизации как некоего самобытного культурно-исторического феномена. Страна претерпела самые радикальные трансформации. Решительным образом изменились социальная структура, быт, культурные регулятивы, экономика, политическое устройство. Изменилось все. Власть, люди, государство, социальные институты стали другими. На политической карте мира по окончании гражданской войны появилось государство нового типа – СССР, которое само уже исчезло, кануло в Лету истории. Вот уже почти три десятилетия на его месте возникло и развивается Российская Федерация (Россия), провозгласившая себя в статье 1 своего Основного закона демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [9]. Однако интерес к историческому прошлому не ослабевает, подстегиваясь теми трудностями и проблемами, которые переживает современный российский социум. Кто-то видит идеал в перемолотой в жерновах революции Российской империи, кто-то испытывает ностальгию в связи с распадом СССР, кому-то вполне по душе современный период. Столетие революции 1917 года – это хороший повод, чтобы обратить внимание на наше прошлое, понять его причины, главные и второстепенные процессы, а также последствия, ими вызванные. В данной статье мы рассмотрим некоторые из причин, ставших побудительным импульсом для возникновения великой русской смуты начала XX столетия.

При первом, самом поверхностном взгляде на события, захлестнувшие Россию в конце февраля 1917 года и продолжавшиеся в форме гражданской войны вплоть до 1921 года, поражает жестокость и ожесточение, свойственные тем сторонам, которые принимали участие в этом глобальном для страны социальном конфликте, представляющем реальную угрозу безопасности России [2]. Результатом войны стали колоссальные убытки во всех социальных сферах. Выплавка чугуна упала до 4% от довоенного уровня, добыча угля снизилась на 70%, производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 40%, спад в промышленности достиг отметки 80%. По подсчетам экономистов все убытки от гражданской войны можно измерить в сумме 40 млрд золотых рублей. Прямая убыль населения из числа только погибших и умерших составляет 10,7 млн человек. Сюда же нужно добавить 2,5 млн эмигрировавших. Демографы считают, что фактически, с учетом неродившихся, страна недополучила 30-40 млн человек [3].

Фактически война велась на уничтожение. Но поражает даже не столько материальный ущерб, сколько всевозрастающий виток насилия, сопровождавшего противостоящие стороны. В воспоминаниях участников событий тех лет сохранилось множество описаний сцен массовых расстрелов, пыток, предательств, потерь людьми человеческого облика. Это была внутренняя война, в которой не считались ни с чем: возрастом жертвы, полом, состоянием беспомощности и т.п. Это была война, в которой побежденный подлежал тотальной ликвидации, а победитель превращался в нравственно деградированное существо с полной девальвацией моральных ценностей и норм. Беспрецедентная жестокость стала частью российской жизни уже с первых месяцев революции 1917 года, а далее насилие возрастало по нарастающей, достигнув своего пика в решающие месяцы гражданской войны во второй половине 1919 года [13].

Данная ситуация заставляет поднять вопрос о том, в чем же были причины подобного положения дел в стране и связаны ли эти причины жестокости протекания револю-

ционного процесса с общими побудительными импульсами русской смуты, начавшейся в феврале 1917 года. Мы убеждены, что между ними существует прямая и непосредственная связь. Именно неслыханная жестокость гражданской войны содержит в себе ключ понимания того, что в реальности детерминировало как перевороты, произошедшие в 1917 году в Петрограде, так и последовавшие за ними военные действия на других территориях бывшей Российской империи.

Чтобы ответить на приведенный выше вопрос, нам необходимо временно оставить 1917 год и обратиться к более раннему историческому периоду – времени реформ Петра Великого.

Петровские реформы оцениваются в исторической науке двойственно [10]. С одной стороны, именно при Петре I был совершен модернизационный скачок, благодаря которому страна получила мануфактурное производство [6], боеспособную регулярную армию, выходы к морскому побережью, прочные внешнеполитические связи, построенную на рациональных началах модель управления обществом [1]. С другой стороны, не менее актуальным является вопрос о цене, заплаченной за указанные достижения и их долгосрочные последствия [7]. Проблема цены российскими и зарубежными историками поднималась практически сразу после окончания преобразовательной политики. Речь идет о разорении крестьянства, непосильном бремени на городские слои, усилении государственного контроля, переакцентировании промышленного сектора от частного капитала в пользу государственного [12]. Говоря о достижениях в области культуры, противники петровских преобразований обращают внимание на поверхностную вестернизацию [16].

Список претензий к Петру I можно было бы продолжить, но нас интересует, прежде всего, только один аспект, на который впервые обратили внимание и развили в своих исследованиях славянофилы. Речь идет о том, что реформы Петра Великого породили в российском обществе культурный разлом – явление, которого, по их мнению, ранее не существовало. Мы далеки от столь категоричных утверждений. Со времен середины XIX в. историческая наука ушла далеко вперед, пережив в советские годы даже период увлечения классовым подходом, вследствие применения которого наличие эксплуатации и классового антагонизма мерещилось историкам чуть ли не со времен крещения Руси [3]. Однако не видеть того, что отношения между крестьянами и дворянством после петровских преобразований качественно изменились, невозможно с позиции применения любой методологии.

Если до первой четверти XVIII в. крестьяне и дворяне говорили на одном языке, одевались в похожую одежду, отмечали общие праздники, строили свои дома из одинакового материала, общались непосредственно между собой, ели одни и те же блюда, верили в общие суеверия и т.п., то, после вестернизации дворянства, культурно-бытовые обстоятельства коммуникации решительным образом изменились. Дворяне стали учить своих детей французскому, из-за чего некоторые оказались настолько необученными родному языку, что говорили на нем с явно выраженным иностранным акцентом, а то и вовсе его не знали (известен исторический факт, что во время нашего нашествия Наполеона на Россию дворяне из патриотических соображений массово нанимали себе учителей русского языка). Одежда высшего слоя стала кроиться на иностранный манер, а лицо мужчин приобрело неприлично голое, по традиционным российским представлениям, очертание из-за сбривания бород. В городах и сельской местности возводились большие каменные поместья и дворцы, которые ничем не были похожи на примитивные боярские хоромы, которые ранее так же, как и крестьянские избы, строились из дерева. Дворянство в массовом порядке стало переезжать в города, где проживало либо в офицерских казармах, либо в собственных домах (это стимулировалось ростом управленческого аппарата и особыми требованиями армии нового образца, предполагавшими постоянное обучение солдат воинскому ремеслу: шагистике, линейному строю, перемещению колоннами, стрельбе и т.п.) [15]. В результате крестьяне в значительной степени начинают взаимодействовать с барином через посредство приказчика, часто «немца», безжалостно обдиравшего их как липку.

Эти рассуждения можно продолжить, но суть не в их количестве. Важны последствия, которые можно определить как культурный разлом. В прежде едином сообществе потенциально появилось две России, обладавших своими собственными правилами, правдами, верами, суевериями, бытом, речью, одеждой и т.д. До поры до времени эти «две России» мирно сосуществовали, но мир между ними был обманчивым, непрочным, временным, готовым под давлением определенных обстоятельств и причин в любой момент превратиться в войну на взаимное уничтожение. В каком-то смысле дворянство в сознании российского крестьянства постепенно начинает превращаться в какое-то подобие иностранца, то есть фактически – чужого [7].

И вот здесь, в этом месте, мы обнаруживаем ключевое слово, которое многое определяет как в причинах революции, так и в характере протекания гражданской войны. Данным словом является «чужой» [8]. Действительно, отношения между крестьянством, а затем и возникшим из его недр после переселения в города рабочим классом (пролетариатом), и высшими слоями российского общества в виде дворянства, купечества 1-2 гильдий и сформировавшимся параллельно этим сословиям экономическим классом буржуазии были уподоблены взаимоотношениям между «своими» и «чужими», которые по традиции характеризуются непониманием, неприязнью, подозрительностью. Ненависть и озлобление – это другой уровень, который возможен при наличии объективных условий для их порождения. Таковые условия, безусловно, были. К ним мы скоро обратимся.

Резкая классовая стратификация – это явление, которое характерно для многих обществ. В известном смысле и в определенной степени оно было свойственно и Европе, которая так же, как и наша страна, активно участвовала в 1917 году в Первой мировой войне. Об этой войне мы вспомнили потому, что европейские народы находились в примерно равном положении с российским. Все испытывали тяжелые лишения и подлинные бедствия. Война заставляла работать экономические системы всех воюющих стран на пределе возможностей. Причем наиболее уязвимыми были именно беднейшие слои населения, то есть крестьяне и рабочие. Однако внутренняя смута, взорвавшая все устои социальной жизни, произошла только в Российской империи [13]. У этого, безусловно, был причинный комплекс, который трансформировал упоминаемые нами «непонимание» и «неприязнь» в «ненависть» и «озлобление». Наша задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить тот спусковой механизм, который, с учетом социокультурных особенностей России, запустил трансформационный процесс изменения психологического климата в стране, определяющего отношение бедных слоев к богатым. Иными словами, речь идет о том, как неприязнь трансформировалась в ненависть, а непонимание – в озлобление.

Надо заметить, что, даже руководствуясь в строгом смысле формальной стороной заявленной схемы, мы можем обнаружить резкий рост классовой борьбы в первую очередь в тех странах, где классовая сегрегация, выражающаяся в жестком разделении частей социума на «своих» и «чужих», была наиболее очевидна. В качестве примеров можно привести Францию и Германию – страны, отличающиеся от многих других наличием элиты, по своим культурным признакам резко дистанцирующих себя от низших слоев разными социальными атрибутами (речью, одеждой, манерами и т.п.). Именно в этих странах проявилось наиболее сильное влияние радикальных политических группировок. Показательна в этом плане Германия, как государство, потерпевшее поражение в войне. В разных немецких областях (Баварии, Бремене, Эльзасе) по окончании войны образовались «советские республики», которые удалось ликвидировать исключительно благодаря применению армии как карательного органа. Во Франции указанные процессы оказались приостановлены эйфорией от победы. Но влияние компартии было заметно в течение всего XX в. И чтобы это влияние как-то снизить и, даже более того, предотвратить процесс легальной передачи власти коммунистам через победу на парламентских выборах, даже пришлось в 1951 г. отказаться от пропорциональной избирательной системы в пользу мажоритарной [14].

Однако нельзя не обратить внимание на то, что в европейских странах во все кризисные времена удавалось предотвратить цивилизационную катастрофу, как бы близко

некоторые народы не подходили к черте, за которой можно было потерять человеческий облик в бойне тотального и взаимного самоуничтожения. В Российской империи в 1917 году и в ходе последовавших за ним событий это сделать не удалось.

Для этого были свои внутренние предпосылки, связанные с социокультурными особенностями ментальности русских. В отличие от Европы Россия имела свой собственный опыт соборного единства, к которому европейцы, создавая ЕС, лишь стремятся сейчас, находясь в мучительном поиске ценностно-идентификационных оснований для цивилизационного единения. В допетровские времена в обществе не было культурного разлома, а следовательно, отсутствовали установки на то, что разные социальные слои представляют собой нечто чужеродное по отношению друг к другу. Настолько чужеродное, как, например, во Франции, дворянство которой совершенно искренне считало, что оно являет собой расово-антропологически совершенно иной тип человека, сотворенного Богом отдельно, по другому лекалу, чем простолюдина. Благодаря соборности русский народ сохранил по каналам исторической памяти представление о справедливом социальном идеале, где между социальными группами нет ни культурного, ни бытового, ни духовного разделения. Эта потребность в ином общественном устройстве в потенциальном, зародышевом состоянии находилась где-то глубоко в недрах народного сознания и при наличии подходящих социальных условий готова была выплеснуться оттуда, порой в крайне причудливых идеологических формах, например гибрида русского традиционализма и коммунизма.

Русское крестьянство, а затем и рабочий класс вопреки стремительному течению времени сохраняли в своем ментальном арсенале представления о собственности, праве, власти и других социальных институтах в архаичном соборно-традиционном ключе, вступающем во все больший антагонизм с ментальностью и образом жизни дворян и иных высших слоев общества. Этот антагонизм периодически проявлялся в восстаниях и крестьянских войнах. Вспышки народного гнева, которые систематически имели место в российской истории, как правило, затихали и заканчивались жестокими репрессиями со стороны государства. Неприязнь и непонимание, прежде всего, со стороны крестьянства, лишь слегка тлели, иногда вспыхивая огнем взаимных обид и унижений.

Положение низших классов не менялось ни в имущественном плане, ни в социокультурном, пока не появился класс, точнее прослойка, оказавшаяся способной выступить в виде силы, организующей народ на сопротивление. Эта сила вышла из самого народа, во многом под воздействием расширяющихся потребностей в образовании. Следствием подобного положения стало появление особого, свойственного только России, социального класса – интеллигенции. Его характеризует крайне негативное, неприязненное отношение ко всему, что связано с государством, особенно в его деспотичных формах, тяга к справедливости, совесть, склонность к созерцательности и широким социальным обобщениям, народолюбие. Особой разновидностью этого слоя была «революционная интеллигенция», многие представители которой разделяли убеждение о том, что высшая цель может быть достижима самыми низменными средствами, что потенциально способствовало девальвации нравственности не только у руководителей движения, но и у самого народа. Именно интеллигенция стала локомотивом, рупором, спусковым механизмом, в общем, всем тем, что запускало социальное брожение, превращало социум во взрывоопасную субстанцию, готовую в любой момент вспыхнуть и сгореть в пожаре взаимной классовой ненависти и озлобления.

Подводя общий итог, мы можем отметить следующее. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социальными слоями. Общество саморазделилось на «своих» и «чужих». Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917–1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенции, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, оказавшиеся во многом созвучными соборно-

традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вахитов Р. Петр Первый и Иосиф Сталин: суровые модернизаторы России // Бельские просторы. – 2012. – № 8.
2. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Гафиатулина Н.Х. и др. Социология безопасности. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 264 с.
3. Голдин В.И. Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии: (вторая половина 1980-х – 90-е гг.) / В.И. Голдин; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Боргес, 2000.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953.
5. Гutowский А.Ю., Коновалов В.В. Два мира, два Петра // 10 корпус. – 2016. – № 2.
6. Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 1.
7. Касьянов В.В. История культуры. – М.: Юрайт, 2016.
8. Касьянов В.В. Социология культуры. – Краснодар: Периодика Кубани, 2014.
9. Конституция Российской Федерации (в послед. ред. закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 №11-ФКЗ-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; – 2014. – 29 июля.
10. Кудимов А.В., Каленский В.П. Реформы Петра I в области местного самоуправления // Мир экономики и права. – 2010. – № 5.
11. Кульпин Э.С. Уроки петровской модернизации: социоестественный взгляд // Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т. 5. – № 1.
12. Лавренов С.Я., Бритвин Н.И. Февральская революция 1917 года: причины и движущие силы // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2017. – № 3.
13. Новоселова Д.И. Предпосылки Октябрьской революции 1917 года в России // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 10.
14. Морозова О.М., Самыгин С.И., Стариков Н.В. Всемирная история. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
15. Самыгин С.И., Самыгин П.С., Шевелев В.Н. История. – М.: КноРус, 2017.
16. Федотова В.Г. Европа как регион и как концепт: к методологии вопроса // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4.

REFERENCES

1. Vakhitov R. Petr Perviy i Iosif Stalin: surovye modernizatory Rossii. [Peter the Great and Joseph Stalin: harsh Russian modernizers]. Belsky prostory = Belsky prostory. 2012. №8.
2. Vereshchagina AV, Samygin SI Gafiatulina N.Kh. Sociology of security. Moscow: INFRA-M, 2017. 264 p.
3. Goldin V.I. Rossia v grazhdanskoj vojne: ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-h – 90-e gg.). [Russia in the civil war: essays on recent historiography (second half of the 1980s and 90s)]. Pomor. GOS. Univ. im. M. V. Lomonosov. Arkhangelsk: Borges, 2000.
4. Grekov B.D. Kiev Rus. M: Gospolitizdat, 1953.
5. Gutowski A.Yu., Konovalov V.V. Dva mira, Dva Petra. [Two worlds, Two Peter]. 10 korpus = 10 corpus. 2016. №2.
6. Zubkov K.I. Absolutism i modernizacia: k ocenke Petrovskih vremen nachala XVIII veka. [Absolutism and modernization: the assessment of the Petrine reforms of the early XVIII century]. Vestnik gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the University for the Humanities. 2017. №1.
7. Kasyanov V.V. Istoria kultury. [History of culture]. M., 2016.
8. Kasyanov V.V. Sociologia kultury. [Sociology of culture]. Krasnodar: Periodika Kubani, 2014.
9. Konstitucia Rossiyskoj Federacii. [Constitution of the Russian Federation]. Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 December 2014. July 29.

10. Kudimov A.V., Kalenskiy V.P. Reformy Petra I v oblasti mestnogo samoupravleniya. [Reforms of Peter I in the field of local government]. Mir ekonomiki i prava = World of Economics and law. 2010. №5.
11. Kulpin E.S. Uroki Petrovskoy modernizatsii: socioestestvennyi vzglyad. [Lessons of Peter's modernization: socialisten view]. Istoricheskaya psihologia i sociologia istorii = Historical psychology and sociology history. 2012. Vol. 5. №1.
12. Lavrenov S.Y., Britvin N.I. Fevral'skaya revoliutsia 1917 goda: prichiny i dvizhushie sily. [The February revolution of 1917: causes and driving forces]. Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel-Observers = Scientific-analytical journal Obozrevatel-Observer. 2017. №3.
13. Novoselov D.I. Predposylki Oktiabrskoy revoliutsia 1917 goda v Rossii. [Preconditions of the October revolution of 1917 in Russia]. Teoria i praktika sovremennoy nauki = Theory and practice of modern science. 2016. №10.
14. Morozova O.M., Samygin S.I., Starikov N.V. Vsemirnaya istoriya. [The history of the world]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010.
15. Samygin S.I., Samygin P.S., Shevelev V.N. Istoriya. [History]. M.: KnoRus, 2017.
16. Fedotova V.G. Evropa kak region i kak koncept: k metodologii voprosa. [Europe as a region and as a concept: on the methodology of a question]. Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill. 2015. №4.

Информация об авторах:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Получена: 19.06.2017

Для цитирования: Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Причины революции 1917 года в России (социокультурный аспект). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.23-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.

Information about the authors:

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Russian History Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINE), Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

Received: 19.06.2017

For citation: Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S. I. Causes of revolution of 1917 in Russia (social-cultural aspect). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.4. Part. 1. Pp. 23-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29. (in Russian)